

5 – 6
1996

Общественно-политический и научный журнал

Александр Иголкин

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ОБЪЕКТ МАНИПУЛИРОВАНИЯ (1925—1934 ГГ.)[1]

Давно и хорошо известно, что для поддержания устойчивого национального самосознания, психического здоровья и энергии нации необходимо присутствие в нашей духовной реальности всей истории России, множества исторических предшественников, предков, находящихся в сакральном времени и поддерживающих нас оттуда. Поддержка возможна, если мы постоянно обращаемся к их памяти, вызываем перед своим внутренним взором их образы. Не случайно на каждой литургии поминается длинный ряд православных святых, просиявших как в Земле Российской, так и за ее пределами. Аналогичная практика существует у всех народов с древнейших времен.

В двадцатые годы официальной пропаганде открыто ставилась обратная задача: вытеснить из исторической памяти народа как можно больше имен.

На памятнике «Тысячелетие России» скульптора М.О.Микешина представлено 109 исторических фигур, символизирующих славу страны за 1000 лет, до середины XIX века. Так вот, во всех газетах второй половины двадцатых — начала тридцатых годов встречаются редкие упоминания не более 15 исторических имен, представленных на знаменитом памятнике. Остальных как бы не существовало. Такой политике давалось тогда и «теоретическое обоснование»: «Ведь нельзя же так, как у нас: некоторые хотят сделать из города Москвы музей старых зданий...Нельзя же так. Вот точно так же и в истории — кого-то нужно выселить оттуда, выселить

1 *Окончание. Начало в №3—4 1996г.*

излишние персонажи, которые теперь совершенно не нужны. Так что, конечно, целым рядом этих исторических персонажей придется пожертвовать, но наиболее махровые, колоритные останутся, но останутся в надлежащем освещении».[2] Таким образом, «персонажи» русской истории делятся на две группы: 1) те, которыми придется пожертвовать (таких абсолютное большинство); 2) оставленные в качестве «махровых, колоритных примеров». Исторических идеалов, образцов для подражания в прошлом быть не должно. Не знаешь, «сделать бы жизнь с кого, — делай ее с товарища Дзержинского».

Американский исследователь Б.Берельсон сравнил изложение событий Войны за независимость США в американских и английских школьных учебниках. Естественно, англичане приукрашивали исторический образ Георга III, американцы — Д.Вашингтона.[3] Подобный подход прослеживается и в школьных учебниках других стран, что следует признать совершенно естественным.

Так как в СССР история была исключена из учебных планов школ вплоть до 1934 года, то и учебников по истории, конечно, не было. Но во всех публикациях того времени четко видна тенденция, прямо противоположная общепринятой в мире: стремление всячески принизить роль своих национальных государственных деятелей и полководцев и возвысить, «облагородить» иноземных, особенно тех, кто выступал против России, с кем боролись наши предки.

Если речь идет о М.И.Кутузове и П.И.Багратионе, они получают в литературе оценку ниже той, что преобладает во французской исторической науке (и даже французских школьных учебниках!), ниже той, что дал своим русским противникам сам Наполеон. Более того, прославленные полководцы обвиняются в бездарности и трусости.[4] Впрочем, об Отечественной войне 1812 года вообще стараются не вспоминать. В 1927 г. Главрепертком запретил публичное исполнение увертюры П.И.Чайковского «1812» год со следующей формулировкой: «Произведение это принадлежит к роду программной музыки, программа которого ...является, конечно, абсолютно не-

2 *Покровский М.Н. Историзм и современность в программах школ II ступени.—М.: «Новая Москва», 1927.—С.12.*

3 *Berelson B. Content Analysis. — The Handbook of Social Psychology, v.I. — Reading (Mass), 1959.*

4 *Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен.—М.:ОГИЗ, 1933.—Т.III.—С.192—193, 198.*

приемлемой для нас. Что касается музыкальных достоинств, то эта увертюра является с этой стороны одним из слабейших произведений данного композитора».[5] Любой рассказ о войне 1812 года сразу же ставил под удар официальную оценку тех лет: «все войны, которые вела Россия со времен Екатерины II, были столкновениями на почве агрессии русского капитализма на Ближнем Востоке».[6] Включая и ту, что раньше называли «отражением нашествия двунадесяти языков».

О войне 1812 года через сто с лишним лет можно было узнать из литературы. Первую мировую — или, как тогда говорили, империалистическую — люди еще помнили. Помнили политику Германии летом 1914 г., попытки русского правительства остановить начало войны. Но им предлагалось «впустить в себя» иную, «вывихнутую» реальность. В газетах, журналах, книгах двадцатых годов на Россию возлагается вина за развязывание Первой мировой войны: она, де, «непосредственно была спровоцирована русской военной партией».[7] Политики, журналисты, историки пишут об «историческом миролюбии» кайзеровской Германии и агрессивности России. Современному читателю, наверное, в это трудно поверить, поэтому приведем цитаты: «Целью германской политики последних сорока лет было отнюдь не расширение территории, а заключение торговых договоров. Приписывавшиеся Германии французскими шовинистами планы территориальных захватов, раздела Франции и т.п. настолько резко противоречили экономическим интересам Германии, что о них никто уже теперь серьезно не говорит».[8] «Германия отнюдь не стремилась к максимальному расширению своей территории; она начала войну потому, что думала (правильно или нет, для нас в настоящий момент не интересно), что на нее хотят напасть».[9] Разумеется, ход Первой мировой войны представлялся тогда как цепь сплошных поражений русской армии.

Оценка боеспособности армии России (любого времени) и, главное, эмоциональное отношение к ней в официальной литературе 1920-х годов

5 *Исключить всякие упоминания... Очерки истории Советской цензуры. — М.: «Время и место», 1995.—С.26.*

6 *Правда.—1928.—25 октября.*

7 *Правда.—1928.—25 октября.*

8 *Покровский М.Н. Империалистическая война. М.: Соцгиз, 1934.—С.70.*

9 *Там же.—С.76.*

примерно такое же, как и у пресловутого американского историка Р.Пайпса, писавшего уже в наше время: «...в 1700г. восемь с половиной тысяч шведов под началом Карла XII разгромили 45 тысяч русских, осадивших Нарву, и потом (по выражению самого Карла) расстреливали их, «как диких гусей». Девять лет спустя Петр взял реванш под Полтавой. Однако на самом деле триумф его не был столь блистателен, сколь его обычно изображают, потому что шведы, заведенные своим сумасбродным королем вглубь неприятельской территории, в день решающей битвы были вконец истощены и имели дело с более многочисленным и лучше вооруженным противником».[10] Что происходило тогда, в начале XVIII века, на самом деле, заинтересованный читатель может узнать хотя бы из работ академика Е.В.Тарле.[11] Во всяком случае, ничего даже отдаленно похожего на «расстреливание русских, как диких гусей», не было.

Не хотелось бы, чтобы у читателя складывалось впечатление, что абсолютно все западные историки относятся к прошлому нашей страны примерно так же, как М.Н.Покровский и Р.Пайпс. В 1932 году во Франции вышла книга по русской истории Ш.Сеньбоса, в которой чрезмерную краткость изложения чуть ли не тысячи лет истории России (до 1682г.) автор объяснял тем, что «и говорить тут нечего»: во-первых, «за неимением источников», а во-вторых, «за неимением событий».[12] (!) Выдающийся французский историк Люсьен Февр тогда же по достоинству оценил книгу своего соотечественника: «...перед нами Россия. Я не видел ее собственными глазами, специально не занимался ее изучением и все же полагаю, что Россия, необъятная Россия, помещичья и мужицкая, феодальная и православная, традиционная и революционная, — это нечто огромное и могучее. А когда я открываю «Историю России» (Ш.Сеньбоса), передо мной мельтешат придурковатые цари, словно сошедшие со страниц «Короля Убю», взяточники-министры, попугаи-чиновники, бесконечные указы и приказы. Где же сильная, самобытная и глубокая жизнь этой страны?»[13]

В реальной истории России никогда (в том числе, конечно, в XX веке, при большевиках) не было «провалов». Действительная жизнь миллионов людей была наполнена высоким смыслом, служением, творчеством, поиском. Россия всегда оставалась великой державой, и не только в военно-политическом отношении. Сакральное время, в котором живет Святая Русь, никогда

10 *Пайпс Р. Россия при старом режиме, М.: Независимая газета, 1993.—С.161.*

11 *Тарле Е.В. Северная война и шведское нашествие на Россию. — В 12 т.—Т. 10.—М.: Изд-во АН СССР, 1959.—С.406—407.*

12 *Февр Л. Бои за историю. — М.: Наука, 1991.—С.63.*

13 *Там же.—С.65*

не исчезало. «Связь времен» могла на время прерваться в СМИ, но не в общественном сознании, которое куда шире и богаче, чем СМИ. Национальные интересы России требовали, конечно, иной, не такой, как у Покровского, Троцкого и Бухарина, интерпретации русской истории. Их подход объективно соответствовал интересам Запада, хотели они того или нет.

Русский мыслитель И.Ильин следующим образом объяснил появление текстов, подобных сочинениям Ш.Сеньбоса и Р.Пайпса: «Европейцам «нужна» *дурная Россия: варварская*, чтобы «цивилизовать» ее по-своему; *угрожающая своими размерами*, чтобы ее можно было расчленить; *завоевательная*, чтобы организовать коалицию против нее, *реакционная*, чтобы оправдать в ней революцию и требовать для нее республики; *религиозно-разлагающаяся*, чтобы вломиться в нее с пропагандой реформации или католицизма; хозяйственно-несостоятельная, чтобы претендовать на ее «неиспользованные» пространства, на ее сырье или, по крайней мере, на выгодные торговые договоры и концессии».[14]

Для определения тональности экскурсов в русскую историю как Покровского и других идеологов того времени, так и Р.Пайпса с Ш.Сеньбосом, весьма подходит фраза Горького: «Унылые тараканьи странствования, которые мы называем русской историей».[15]

Итак, из ста девяти исторических фигур памятника «Тысячелетие России» официальными идеологами полностью отбрасываются, не признаются в качестве национальных символов все духовные просветители (на памятнике их 31), государственные деятели «прошлой» России (их 26, и все они в СМИ даются сугубо в негативном ключе), военачальники и герои (их 36: от разгромившего хазарский каганат князя Святослава до флотоводца Нахимова). Остается группа деятелей культуры и науки (16 фигур).[16] И хотя имена большинства из них встречаются в СМИ 1925—1933 гг., и здесь не все так просто. Скажем, по частоте упоминания или цитирования А.С.Пушкин многократно уступает иным поэтам: А.Безыменскому, И.Уткину, С.Кирсанову.

14 *Ильин И.А. Наши задачи. Собр. соч. в 10 т.—М.: Русская книга, 1993.—Т.2.—Кн. 1.—С.119.*

15 *Русская идея.—М.: Искусство, 1994.—Т.2—С.321.*

16 *Семеновский А.И. Памятник тысячелетия России, воздвигнутый в Новгороде 8 сентября 1862 г. по велению императора Александра II.—Спб.—1908.*

Призывов «сбросить Пушкина с корабля современности» уже нет, но «Комсомольская правда» наставляет: «Даже самый передовой и революционный представитель дворянства, намного опередивший основную массу своего класса, — Пушкин — не сумел дать правдивую картину крестьянской революции, какой являлась Пугачевщина. Народное движение изображено совершенно неверно...Знакомиться с Пугачевщиной по «Капитанской дочке» совершенно невозможно».[17]

Признавая величие Пушкина и Гоголя, Достоевского и Толстого, Луначарский писал в 1924 г.: «Если ...все же они остались великими, то вопреки этой проклятой старой России, и все, что в них есть пошлого, ложного, недоделанного, слабого, все это дала им она».[18]

С Ф.М.Достоевским случай особый. Официальное отношение к нему не изменится до конца сталинской эпохи. Его исторические идеалы — это Сергий Радонежский, Феодосий Печерский, Тихон Задонский.[19] Но никто не собирался вступать с ним в прямую дискуссию по этому или какому-то еще вопросу. Предпринимаются попытки сформировать общий негативный образ мыслителя. Та же «Комсомольская правда» воспитывает молодежь: «Память Достоевского-публициста пусть чтут живые кликушествующие остатки внешней и внутренней эмиграции, и совершенно никчемное занятие — упорно выискивать в гуще написанного им мистического бреда крупицы почти «либеральных» замечаний и даже «революционных пророчеств». Даже у безнадежно сумасшедших бывают минуты кажущегося просветления, в которые они говорят членораздельно, и ничего удивительного нет в том, что в «Дневнике писателя» и в письмах Достоевского, как и у всех, впрочем, талантливых и образованных черносотенцев, на продолжении всемирной истории, встречаются более или менее нормальные фразы из словаря общепрогрессивной мысли».[20] Чтение таких «заклинаний» для неподготовленного читателя не проходит бесследно. Они вызывают то, что специалисты именуют «эмоциональным заражением», хотя активное неприятие может относиться либо к публицисту из «Комсомолки», либо к Достоевскому.

В романе Дж.Орвелла «1984», создающем образ вымышленного тоталитарного общества, существует Министерство правды, задача которого — постоянное, ежедневное переписывание истории, в свете последних «партий-

17 *Комсомольская правда.—1925.—25 октября.*

18 *Кожинов В.В. Судьба России.—М.: Молодая гвардия, 1990.—С.102.*

19 *Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1876 г. Февраль. — Полное собрание сочинений в 30 томах.—Т.226.—С.43.*

20 *Комсомольская правда.—1926.—14 февраля.*

ных установок». Самая сложная работа в Минправе, требующая филигранной техники, — «новая редакция» классической поэзии. Пока существует классическая литература, манипулировать общественным сознанием и исторической памятью оказывается затруднительно.

Насколько невероятна фантазия Орвелла? Были ли в СССР 20-х годов попытки «переписать классиков»? В том виде, как это представлял английский романист, нет. Но была загадочная, не распутанная до сих пор история появления «новооткрытой» поэмы Н.А.Некрасова «Светочи».

Поэма «Светочи» была представлена чудесно обретенной находкой, пролежавшей где-то 60 лет, и напечатана в «Правде» 18—19 апреля 1929 г. с предисловием Д.Бедного. В том же году она вышла отдельным изданием.[21]

Интересна структура «Светочей»: широкоизвестная, классическая поэма «Дедушка» дополняется новыми 214 строками, разбросанными по всему тексту, кроме того, в поэме «Дедушка» заменяются отдельные слова. Было объявлено: «Светочи» — это подлинный текст Некрасова, а «Дедушка» — то, что великий русский поэт вынужден был сделать из «Светочей», опасаясь свирепой царской цензуры.

Основная идеологическая установка нового «обретенного» Некрасова — сблизить в общественном сознании поэта с С.Нечаевым. «Известия» прямо пишут: «Сличение новонайденных текстов «Светочей» с текстами «Народной Расправы» и с нечаевской «Программой революционных действий» дает основания полагать, что поэма написана под влиянием названных документов».[22] Вот так.

Литературоведы сразу же определили «новообретенный» текст как фальшивку. Основной аргумент — качество языка. Выражая общую позицию ленинградских литературоведов (в том числе — К.И.Чуковского), С.А.Рейсер писал: «Существует такая граница безвкусия, когда самый показ этого факта становится аргументом. Именно так обстоит дело со «Светочами».[23] Некрасов просто не мог написать таких, например, строк, имеющих отношение к теме нашей статьи:

Мрачное гордо забудем,
Светлое пустим в века.

Или:

21 *Некрасов Н.А. «Светочи»—М., 1929.*

22 *Известия.—1930.—13 января.*

23 *Рейсер С.А. Новооткрытые строки Некрасова//Литература и марксизм.—1929.—№6.—С.166.*

Так проносились столетья,
Сколько их — трудно и счесть.
Близок конец лихолетья,
Если начало уж есть.

«Неразличимы» русские столетья были для Л.Троцкого, но уж никак не для Н.Некрасова.

Нашлись и другие аргументы, убедительно доказывавшие, что «новообретенный» текст — подделка. Хотя он был написан гусиным пером на бумаге 1870-х годов, но, как установили эксперты, чернила просохли в 1927, максимум в 1924 г. Кто подлинный автор поэмы — до сих пор загадка. К.И.Чуковский был уверен, что два молодых литератора сочинили это «гениальное творение» (по оценке Д.Бедного) за 2 дня в конце 1920-х гг.[24] Не так уж важно, угадали они «социальный заказ» или напрямую получили. Но написать «идеологически выдержанный» текст некрасовским языком оказалось невозможно. Наверное, дело не только в даровании поэтов, занимавшихся этой мистификацией. Активно мешал сам «правдивый и свободный» русский язык.

В 20-е годы осознается: для эффективного идеологического манипулирования нужно менять язык, несущий в себе самый большой заряд исторической памяти. С.Третьяков писал тогда: «Люди не умеют говорить, тратят бесконечное время на выхрюкивание простых вещей, но поставь им вопрос о языке как явлении, подлежащем сознательному организованному воздействию, и немедленно же начинается вопль на тему о «великом, свободном, прекрасном» и т.п. (копченом по преимуществу, добавим от себя) русском языке».[25]

Историческая память передается и через быт, который объявляется «глубоко реакционной силой».[26]

Общая генеральная цель слома быта, языка, изменения исторической памяти — «ковка нового человека».[27] По замыслу людей, возомнивших себя творцами, «новый человек» будет отличаться прежде всего новым мироощущением. Четко разделялось мировоззрение и мироощущение: «Под новым

24 *Некрасов Н.А. Полн. собр. соч.—Т.4.—Л., 1982.—С.567.*

25 *Третьяков С. Откуда и куда?//ЛЕФ.—1923.—№1—С.202.*

26 *Там же.—С.200.*

27 *Там же.—С.195.*

мироощущением, в отличие от миропонимания, или мировоззрения, которое строится на познании, на логической системе, мы разумеем сумму эмоциональных (чувственных) оценок, создающихся у человека».[28]

Основа нового мироощущения — неприятие, эмоциональное отторжение реального мира, его истории, культуры, быта, языка. Даже природы! У С.Третьякова есть поразительное признание: «Отвратителен дремучий бор, невозделанная степь, неиспользованные водопады, валящиеся не тогда, когда им приказывают, дожди и снега, лавины, пещеры и горы».[29]

По-видимому, глубинной основой «экспериментов» с исторической памятью была не только «политическая целесообразность», но и вот это мироощущение, когда проклинать хочется все. Такой тип мировосприятия у отдельных групп людей встречается всегда и везде, но надолго стать господствующим до сих пор ему не удавалось.

Во второй половине 20-х — начале 30-х гг. вытеснение исторической памяти и замена ее искусственной, «параллельной», спроектированной историей постоянно нарастали. Это хорошо видно из газет того времени. Осуждались все русские обычаи, даже такие невинные, как чаепитие из самовара. «Комсомольская правда» писала: «До сих пор из провинции приходят анекдоты о партийцах, наслаждающихся канарейкой и шипящим самоваром, этими непременными атрибутами мещанского счастья».[30] Народная кадриль называлась «придворным танцем».[31] Демьяну Бедному не нравилась гармошка — он рифмовал ее с «пьяным Тимошкой» и хотел бы, чтобы русские крестьяне предпочитали скрипку![32] Русские романсы «Комсомольская правда» называла «музыкальной самогонкой».[33]

В 1928 г. газеты начинают поход против традиционной встречи Рождества и Нового года с елкой и Дедом Морозом.

Семен Кирсанов писал в «Комсомолке»:

Елки
Сухая розга
маячит в глазища нам.

28 *Там же.—С.195.*

29 *Там же.—С.201.*

30 *Комсомольская правда.—1925.—1 декабря*

31 *Комсомольская правда.—1926.—24 декабря.*

32 *Комсомольская правда.—1926.—29 декабря.*

33 *Комсомольская правда.—1928.—25 декабря.*

По шапке
Деда Мороза,
ангела —
по зубам!
Грудь дыханьем
расперта,
в беге лыжном
живом —
Праздником
Зимнего
Спорта
эти дни
назовем![34]

Через год, в декабре 1929 г., в прессе начинается невероятно интенсивная антирелигиозная кампания. С 10 по 29 декабря антирелигиозные статьи выходят практически ежедневно, иногда по 2—3 в номере. За эти 20 дней антирелигиозные статьи не появлялись лишь в двух номерах «Комсомолки». Газеты пестрят заголовками: «Религия — враг социалистического общества», «Религия — тормоз пятилетки», «Готовы ли мы к отпору церковникам?» «Беспощадная война примиренчеству к религии».

Начиная с 31 января 1930 г., «Комсомольская правда», как и другие газеты, выходит без указания дня недели. Существовавший по меньшей мере 4 тысячи лет, со времен древнего Вавилона, семидневный ритм жизни объявляется «экономически нецелесообразным». Взамен вводится «непрерывка». Но похоже, что не в экономической целесообразности здесь было дело (с этой точки зрения полный провал «начинания» стал ясен уже через месяц). На наш взгляд, не последнюю роль играла ненависть к воскресенью, самому слову и всему, что с ним связано. «Комсомольская правда» помещает прекрасно подделанное по своему слогу письмо «рабочего Верещагина»: «Непрерывка — наш первый долг... С ней мы и попов путаем. Когда им теперь звонить — в воскресенье, нет ли? Большая тут благодарность нужна советскому правительству».[35] Оставлялись только числа месяца. Отказ от традиционных названий месяцев обсуждался также, но не был принят — со ссылкой на неудачу подобного опыта в эпоху Великой французской революции.

34 *Комсомольская правда.—1928.—25 декабря.*

35 *Комсомольская правда.—1929.—13 декабря.*

В феврале 1931 г. по проблемам русской истории высказывается И.Сталин: «История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все — за отсталость. За отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно».[36]

Сталину приведенная оценка нужна, чтобы обосновать необходимость форсированной индустриализации. Но «школа Покровского» получает, таким образом, внеплановую поддержку на самом высоком уровне.

В том же 1931 г. полностью прекращается подготовка историков в Московском и Ленинградском университетах. (До этого, в 1925—1930 гг., специалисты по русской истории работали в Московском университете на этнологическом (!) факультете. Все историко-филологические факультеты были закрыты еще в 1919 г.).

В 1932 г. принимается Декрет СНК СССР «О безбожной пятилетке», в котором говорится, что к 1 мая 1937 г. «имя Бога должно быть забыто на всей территории СССР».[37]

1933 год — период, когда в СМИ в наименьшей мере присутствует «связь времен». Историческая память почти полностью ушла из газет. В апреле 1933 года в «Комсомолке» всего четыре статьи, которые условно можно назвать «историческими»: единственная публикация о Ленине 22 апреля (Н.Крупской) и статьи, посвященные трехлетию гибели Маяковского, первой годовщине «разгрома РАППа», 21-ой годовщине Ленского расстрела. В последней, как обычно подчеркнуто, что на «Ленских приисках существовала система рабского принудительного труда».[38] Если не считать рождения Ленина, газета за месяц ни разу не обратилась ни к одному событию XIX века или более ранней русской истории.

Историческая тематика несколько раз задевается в «разоблачительных» публикациях. Так, в ответ на обращение лидеров II Интернационала с предложением создать единый антифашистский фронт, «Комсомолка» напо-

36 *Сталин И. О задачах хозяйственников. Речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г.//Вопросы ленинизма.—2 изд.—М.: ОГИЗ, 1947.—С.328.*

37 *Кропачев С. Хроника коммунистического террора. — Краснодар, 1995.—С.34.*

38 *Комсомольская правда.—1933.—17 апреля.*

минает: «Всему миру известно, что социал-демократия в 1914 году открыто перешла в лагерь буржуазии, что она расколола и предала пролетариат».[39]

Серия материалов с голодавшей тогда Украины (о чем, разумеется, нет ни слова) включает такие «исторические пассажи»: «Над Украиной скрипел сапог царского самодержавия, свистела колонизаторская нагайка русского капитализма».[40] Сеялись семена украинского сепаратизма, которые еще дадут о себе знать. Сеялись и другие семена.

«Комсомольская правда» публикует поразительное стихотворение Аркадия Ситковского на «историческую тему» о школьных экскурсиях в подвал Ипатьевского дома в Свердловске:

Ты можешь быть сердцем спокоен,
Иди, любопытствуй, глазей:
Здесь были монаршьи покои,
А ныне — рабочий музей.
Смотрите и радуйтесь, дети,
Запомните:
Этот подвал
Могилой державных столетий
Ступенью в грядущее стал.[41]

В СМИ нет прежнего пафоса антирелигиозных статей, в 1933 году, в отличие от 1929 г., газеты практически не «откликаются» ни на Пасху, ни на Рождество. Жизнь идет одним долгим днем, без прошлого и будущего. Никакой истории — даже близкой. Никакой героики — даже революционной. Не с кем полемизировать. Никаких воодушевляющих национальных символов. Газета не дает ни малейшей духовной энергии, наоборот, забирает последние силы. «Мертвые слова» газеты сеют смерть и разрушение.

Весна—лето 1933 г. — время страшного голода. Вместе с плотью умерщвляется дух народа. В газетах нет никаких исторических имен, на которые можно опереться. В том числе и большевистских, их опасно называть: каждый завтра может оказаться «не тем, за кого себя выдавал...».

В большой — на два «подвала» — статье Е.Ярославского, посвященной тридцатилетию второго съезда РСДРП, нет никаких имен большевиков, кроме Ленина и Сталина.[42] Удивительно, но в газетах вообще очень мало

39 *Комсомольская правда.—1933.—10 апреля.*

40 *Комсомольская правда.—1933.—6 апреля.*

41 *Комсомольская правда.—1933.—1 апреля.*

42 *Комсомольская правда.—1933.—30 июля.*

отсылок даже к Ленину и Сталину. Возникает ощущение, что люди «выпали» из времени, оказались в каком-то полном миражей мороке, иллюзорной реальности. Печатаются лишь бессмысленные обрывки совсем недавней истории, которые постоянно переписываются, причем и это опасно: надо обязательно помнить последнюю версию. «Комсомольская правда» приводит пример «разоблачения скрытого троцкиста», рабочего Гавришина, учившегося только в церковно-приходской школе. Он запутался при объяснении различий между троцкизмом и правым уклоном, не смог объяснить и «политическую сущность антипартийной контрреволюционной группы Эйсмонта-Толмачева».[43] В газете не подвергается сомнению, что рабочий не смог воспроизвести последние оценки из-за сознательного скрытого сочувствия к «контрреволюционерам», а не потому, что за всю свою жизнь проучился всего два года.

Наконец в 1934 г., после XVII съезда ВКП(б), И.Сталин круто меняет официальное отношение к русской истории, государственную идеологию — в этой ее части. 16 мая 1934 г. принимается постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР», 9 июня 1934 г. — постановление «О введении в начальной и неполной средней школе элементарного курса всеобщей истории и истории СССР».

В июле 1934 г. в редакционной статье журнала «Большевик», посвященной 20-летию начала Первой мировой войны, даются новые оценки «исторического миролюбия» Германии: «Географическое расположение Германии в центре Европы позволяло ей протягивать руки не только на Запад, но и на восток и юго-восток, угрожая подчинением себе не только Австро-Венгрии, Балканских стран и Турции, но и российского царизма — «колосса на глиняных ногах». Предвоенная империалистическая Германия угрожала, таким образом, созданием величайшей империи».[44] Напомним, что совсем недавно доказывалось на сотнях страниц в десятках изданий прямо противоположное!

Но в том же номере журнала Г.Зиновьев, член редколлегии, продолжает старую песню: «Август 1914 г. «От имени» России «освободительную» войну объявляет Николай Кровавый. Разгул погромного «патриотизма». Поражение и разгром царских армий».[45]

Перед лицом прямых угроз со стороны германского фашизма со слова

43 *Комсомольская правда.—1933.—6 июля.*

44 *Большевик.—1934.—№13—14.—С.1—2.*

45 *Там же.—С.34.*

«патриотизм» нужно было снимать кавычки.

Академик Н.М.Дружинин вспоминает: «Радикальный перелом на историческом фронте наступил в 1934 г., когда партия и правительство поставили перед учеными задачу преодолеть левацкие ошибки М.Н.Покровского... Ставка на коллективные поиски объективной научной истины соответствовала политической задаче воспитания чувства советского патриотизма, усвоения лучших национальных традиций в борьбе с усилившимся европейским фашизмом. В восстановленном Московском университете был образован исторический факультет, на который одинаково привлекались партийные и беспартийные историки, способные ответить поставленной задаче».[46]

Начиная с середины 30-х гг., историческая память понемногу возвращается в СМИ. С 10 декабря 1934 г. «Комсомолка» выходит с указанием дня недели, а не только даты. В 1935 г. возвращаются елка, Дед Мороз и Снегурочка. Русские традиции уже не рассматриваются как «пережитки царизма», «школа Покровского» официально осуждена.

27 января 1936 г. Н.И.Бухарин выступил в «Известиях» с огромной — на целую полосу — статьей «Нужна ли нам марксистская историческая наука? О некоторых существенно важных, но несостоятельных взглядах тов. М.Н.Покровского». Николая Ивановича по-прежнему преследует образ «топора». В 1928 г. в хлебной статье о М.Н.Покровском «Профессор с пикой» этот образ принимал форму гильотины, теперь — «остро отточенной бритвы». Бухарин так начинает оценку Покровского: «Карамзин и Чичерин, славянофилы, Щапов, Ключевский и Милюков, даже Плеханов — все они попали под остро отточенную бритву его беспощадного критического анализа».

В чем же обвиняет бывший главный идеолог ВКП(б) Покровского? Это очень интересно: отнюдь не в том, в чем официальные документы ЦК ВКП(б) и СНК! По мнению Бухарина, Покровский не понимал, что «по-нашему, по-марксистски, по-ленински, по-сталински, чем «партийнее» наука истории... тем она истиннее»... Нельзя не заметить, что эту-то марксистскую истину Покровский признавал и отстаивал, даже выражал теми же словами.

Далее, по мысли Бухарина, Покровский недооценил значение «рабских революций»: «Разве, например, рабские революции, о которых товарищ Сталин говорил колхозникам, не имеют для нас значения (почему же тогда о них говорил т. Сталин?)»[47] Отметим, что по отношению к т. Сталину, обсуждающему с неграмотными колхозниками «проблему рабских револю-

46 *Дружинин Н.М. Избранные труды. Воспоминания, мысли, опыт историка. — М.: Наука.—1990.—С.28.*

47 *Известия.—1936.—27 января.*

ций», фраза звучит несколько иронично, что подчеркивается ее стилистикой.

И уже открыто вразрез с новыми партийными установками Бухарин пишет: «Разве не первейшим долгом для нашего историка было бы в противовес всем и всяким буржуазно-историческим концепциям «Истории государства Российского» разработать историю хотя бы главнейших порабощенных им народов? На это никак нельзя отвечать «аргументом», что действительной доминирующей силой были, как сие ни печально, господствующие классы «великоруссов».[48]

Сталин, однако, решил, что напоминание о старых распрях — действительных или мнимых — не содействует укреплению Советского Союза перед лицом фашистской угрозы. Оценка России как «тюрьмы народов» сохранялась, но без каких-либо надуманныпхо дробностей, сеющих межнациональную рознь. Подготовка к войне требовала мобилизации всех ресурсов нации, в том числе и символических.

На Западе, понятное дело, привычно дают негативную оценку решениям руководства СССР в области истории в середине 30-х гг. С.Коэн характеризует их как «...официальное возрождение русского национализма, обеление царистского прошлого и отказ о многих положений марксизма».[49] Эта точка зрения абсолютно преобладает в современной исторической науке США.

Семнадцатилетний эксперимент по полному вытеснению исторической памяти заканчивался. Восстанавливалась глубина исторической памяти — на всю тысячелетнюю историю страны. Подчеркивались связность, непрерывность, преемственность русской истории, ее самобытность, самостоятельность ее политики, национальные интересы. В довоенных советских газетах — сгущение исторической символики, особенно связанной с обороной страны. Соотношение общегражданской и революционной истории, представленной в СМИ, резко меняется в пользу первой.

Приутихла и антирелигиозная пропаганда. Правда, по-прежнему не попадали на страницы газет имена православных святых, деятелей церкви, но и к ним отношение скоро изменится. В целом же, ожившая история стала давать духовную энергию, столь необходимую в будущем столкновении с фашизмом.

---

48 *Там же.*

49 *Коэн С.Бухарин. Политическая биография. 1888—1938.—М.: Прогресс, 1988.—С.406.*